

С этими словами он взметнулся в воздух и одним ударом копья поразил двух человек справа от главаря разбойников. В мгновение ока блеснула кровь, и оба, сброшенные с коней, превратились в два трупа. А Лу Юй уже сидел на своем розовом скакуне, словно это не он их убил, словно ничего и не произошло.

Главарь разбойников рассмеялся:

— Меня зовут Ляо Цзинь. Похоже, ты на Средней ступени Духовного Достижения, а я — на Высокой ступени Небесной Твердости!

С этими словами он со всей легкостью обрушил свой драгоценный клинок, который по весу не уступал синему драконьему лезвию, в горизонтальном ударе.

Лу Юй слегка нахмурил брови. Рука его дрогнула, Боевая Ци влилась в копье, и он изо всех сил отразил удар. На длинном копье не осталось ни зарубки, но вся Боевая Ци рассеялась, а тяжелый меч отскочил назад. Лу Юй снова влил Боевую Ци в Фэнцзянь Чжунюнь и выкрикнул:

— Убить!

Несколько сотен всадников Ляо Цзиня сражались против пятидесяти солдат Лу Юя и трех великих генералов и не имели ни малейшего преимущества. И это еще без учета обозных солдат. В мгновение ока началась битва: генерал против генерала, солдат против солдата, и они рубились, не в силах одолеть друг друга. Лу Юй, полагаясь на свое божественное копье, с трудом удерживал равновесие с Ляо Цзинем. Солдат у Ляо Цзиня было много, но храбростью они не отличались. Тут же посыпались смерти: кого-то пронзили стрелы, кого-то поддело копье, кого-то зарубили мечом — все виды смерти предстали взору. А в отряде Лу Юя лишь двое были ранены.

В этот момент внезапно послышался звон медных колокольчиков. Жемчужина на груди Ляо Цзиня яростно задрожала, и из нее донесся чей-то голос — словно бы вмещавший в себя десять тысяч превращений, подобный тысяче облаков, но неизменно глубокий и мощный:

— Ляо Цзинь, немедленно возвращайся! Цзянлин пал, срочно возвращайся в Юньань!

Услышав этот голос, Ляо Цзинь всем телом вздрогнул и произнес:

— Слушаюсь! Великий старейшина, генерал Хуан Лянь!

Он злобно глянул на Лу Юя и увел своих подчиненных.

В ущелье по-прежнему падал снег. Холодный ветер дул и затихал, затихал и снова дул. Лу Юй невольно вспомнил об отце.

Во дворце государства Шу собрались четыре фигуры: правитель Шу и Сычуани Лю Жолин, пользующийся огромной милостью тайши Чжан Янжэнь, высший правитель государства Шу,

канцлер Люй Цзиган, и столичный градоначальник Мэн Янь.

Этот дворец имел восемнадцать ворот, у каждого ворот стояло по четыре солдата, а у последних — десять гвардейцев. Снаружи дворца патрулировал начальник дворцовой стражи Вэй Еши, а у тронного зала был расквартирован отряд охраны, готовый в любой момент защитить императора.

Мэн Янь и Люй Цзиган уже подали доклады о допущенных ошибках, и Лю Жолин просматривал их бумаги.

Наступил час Шэнь, солнце почти скрылось. Хотя холодный ветер был пронизывающим, слабые лучи солнца еще пробивались. Лю Жолин медленно поднялся. В его руке, при росте семь чи пять цуней, по-прежнему был один доклад, но не их двоих, а военное донесение. Он передал его Люй Цзигану:

— Взгляните. Мятежники собрались вокруг сына государственного преступника, и генерал Мэн многократно ходил в поход, но безрезультатно.

— Это донесение — подделка! — в этот самый момент раздался голос. Подошел генерал лет сорока с небольшим, ростом на целый чи пять цуней выше Лю Жолина. Он поглаживал черную бороду, рука лежала на драгоценном мече у пояса, а в голову был воткнут серебряный плюмаж — символ главы Армии Серебряных Крыльев, элитного войска государства Шу.

— Генерал!

— Отец!

— Старина Мэн!

Три голоса одновременно вырвались у Лю Жолина, Мэн Яня и Люй Цзигана — с крайним изумлением и радостью.

Но Люй Цзиган и остальные двое быстро пришли в себя. Лю Жолин поспешно поднялся:

— Генерал, вы говорите, это ложное донесение.

Этот генерал и был отцом столичного градоначальника Мэн Яня — верховный главнокомандующий, управлявший всей военной мощью государства Шу, Мэн Луань. Его грозная слава потрясала Поднебесную. Даже главнокомандующий объединенных войск трех царств Сян Чао признавал его превосходство. Если бы Мэн Луань вовремя не прибыл в Юньань, Сян Чао уже захватил бы город. Это он отбросил Сян Чао и заключил договор между Шу и Чу, по которому стороны обязались не нападать друг на друга в течение пяти лет, иначе весь мир увидел бы истинное лицо Шу или Чу и напал бы на нарушителя союза. Можно сказать, Мэн Луань был верховным божеством-хранителем всей Империи Западная Шу. Он

кивнул и неторопливо произнес:

— Это донесение подделано. Я не устраивал карательных походов против мятежников, и Лу Юй на самом деле не общался с главарем разбойников. Поэтому позвольте спросить, Ваше Величество, кто подал этот доклад?

Лю Жолин погрузился в раздумья. Мэн Янь и Люй Цзиган слегка кивнули, Чжан Янжэнь тоже о чем-то задумался.

— Докладываю! Ваше Величество, помощник начальника придворной музыки Хуан Лянь вместе с начальником дворцовой стражи Вэй Еши просят аудиенции! — донесся голос из-за дверей.

Лу Цзылян вступает со своими войсками в Цзянчжоу, и все князья таят в душе смуту

Снег прекратился, солнце постепенно показалось, и погода уже сменилась с зимней на весеннюю. По летосчислению государства Шу это был двадцать первый день второй луны четвертого года Кантай. Армия Лу Юя шла уже несколько дней, и все было довольно мирно. Из трех царств Лян и Цзяо уже потерпели поражение, Западная Чу заключила договор и не станет нападать, а те мятежники отправились устраивать смуту в местные управления. Единственное, что беспокоило Лу Юя, — это тот разбойник, что в прошлый раз называл себя мастером третьего уровня, Высокой ступени Небесной Твердости.

Этот отряд уже почти достиг большой дороги на Цзянчжоу, оставалось всего несколько дней пути, и поэтому они начали разбивать лагерь.

Лу Юй приказал с этого дня начать исполнение военных законов. Он знал, что желающих бросить ему вызов будет куда больше, чем остальных.

Рано утром, в час Мао, желающих сразиться с Лу Юем собралось почти тридцать человек, выстроившихся в длинную очередь.

Лу Юй неторопливо встал, привел себя в порядок, переделался в боевые доспехи, взял копье, оседлал коня и поскакал к главной арене. По дороге он заметил, что кусты слегка шелохнулись, и с неизвестного направления в него полетели стрелы. Это было несколько бесшумных наручных стрел. Лу Юй насторожился, небрежно взмахнул копьем и отбил стрелы. Он громко крикнул:

— Кто посмел стрелять в меня? Выйди немедленно!

Из кустов вышли двое. Тот, что шел впереди, ухмылялся и выглядел на несколько лет старше Лу Юя. Улыбаясь, он заговорил:

— Братец Лу Юй, отличное боевое искусство. Мы из второй ветви рода твоего отца, господина Лу. Я — Лу Цзицзуй, а это моя мать Ин Юэ.

Последняя фраза относилась к женщине позади него.

Лу Юй натянул поводья своего розового скакуна и посмотрел на них. В глазах его вспыхнул свет, голос стал заметно мягче:

— Вот как, значит, это старший брат. Пойдемте со мной оба.

С этими словами трое вместе направились к месту состязаний.

Тридцать с лишним человек уже рвались в бой. Большинство остальных отправились состязаться в учении, и только двое-трое пошли мериться силой с кем-то еще.

Это была большая степь. На узких и труднопроходимых дорогах Западной Шу редко можно было увидеть такое необычное место.

Лу Юй верхом на драгоценном скакуне, с серебристо-белым божественным копьём в руке, что вспыхивало алым и синим светом, опустил Фэнцзянь Чжунюнь книзу и произнес:

— Первый!

Подбежал солдат. Этот солдат был без коня, в руках он держал большой неуклюжий меч, но размахивал им удивительно ловко.

Солдат, казалось, не понимал, что такое техника. Он со всей силы рубанул мечом по Лу Юю. Ветер завывал. Лу Юй поднял копьё, перевернул его на сто восемьдесят градусов и мощно отбил удар. Меч отскочил назад. Конь Лу Юя отступил на шаг, и Лу Юй пронзил копьём солдата. Тот на миг опешил, но тут же пришел в себя, громко крикнул и направил свой драгоценный клинок навстречу божественному копьё. Раздался звон — острие копьё встретилось с лезвием меча. Солдат отступил на несколько шагов, побледнев, а Лу Юй лишь слегка отшатнулся. Серебристо-белое копьё не стало медлить и тотчас же метнулось прямо в солдата. Тот поднял меч, но копьё выбило его из рук. В мгновение ока солдат почувствовал, как у его шеи блеснул серебряный свет и появилось божественное копьё.

Первый проиграл, за ним второй, третий... Число людей неуклонно уменьшалось.

И вот двадцать шестой солдат...

Этот солдат был почти ровесником Лу Юя, в руках он держал кроваво-красные парные боевые секиры, всем своим видом напоминая знаменитого полководца древности Элая Дянь Вэя. Ростом он был на полголовы выше Лу Юя.

Солдат не произнес ни слова. Тяжелые парные секиры в его руках казались легкими, как веер, и он размахивал ими с небрежной грацией. Лу Юй взмахнул копьём, и его свет засиял в ответ. Лу Юй пришел в ужас: мощь этого удара была такова! Если бы не Боевая Ци, то даже

природная сила не смогла бы так легко перерубить это божественное копьё надвое.

Лу Юй высвободил Боевую Ци, и алый с синим светом стал еще ярче. В то же время кроваво-красные секиры излучали еще более сильную жажду убийства. В этот миг оба двинулись одновременно. Лу Юй пришпорил коня и, подняв копьё, ринулся на солдата; солдат, размахивая секирами, бросился на Лу Цзыяна. Парное копьё против парных секир — в мгновение ока они схлестнулись в битве, которую невозможно было разнять. Копьё сплеталось с секирами, секиры рубили по копьё. Сначала зрители еще различали их: по ало-синему сверкающему копьё с серебристым отливом узнавали Лу Юя, а кроваво-красные секиры затмевали небо и землю, даже свет солнца и луны померк, скрытый ими обоими. После тридцати схваток по-прежнему не было победителя.

После шестидесяти схваток...

Более чем после сотни поединков один из воинов обмяк в седле, с трудом не потеряв сознание, а другой уже без чувств рухнул на землю, секиры валялись рядом. Лу Юй наконец не выдержал и потерял сознание...

А тем временем на востоке от государства Шу одна страна как раз спорила по этому самому поводу — это была алчная и честолюбивая Династия Западная Чу.

Чуский князь Сюн Чао развлекался в своем гареме, как вдруг о встрече попросили канцлер Сюн Цзу и великий полководец Сян Чао. Сюн Чао очень не хотел их принимать, но эти двое были: один — его родным дядей, а другой — великим генералом, державшим в руках военную мощь страны и способным в любой момент поднять мятеж. Поэтому всех наложниц отослали прочь.

— Пусть войдут! — приказал он.

Оба вошли, по обе стороны от них висели мечи, на ногах — обувь. Это было символом их положения, власти и статуса. Эти двое даже не стали кланяться.

Сян Чао говорил напрямик, нетерпеливо спрашивая:

— Ваше Величество, почему вы заключили договор с Шу? Я как раз собирался идти на запад, биться за Юньань, прорываться через Цзянчжоу и напрямую брать Чэнду!

У Сюн Чао и так было плохое настроение, а от этой отповеди Сян Чао он изменился в лице и пришел в ярость. Он хлопнул ладонью по столу и вскочил, тыча пальцем в Сян Чао и разражаясь бранью:

— Дерзкий Сян Чао! Как ты смеешь тыкать мне в нос! Прочь немедленно! Иначе велю отрубить тебе голову!

— Ваше Величество! — Сян Чао, вложив в эти слова все силы, опустился на одно колено и сжал

кулаки в приветствии. — Прошу Вас, Ваше Величество, хорошенько подумать!

Сидевший рядом канцлер Сюн Цзу погладил бороду и обратился к государю, князю Чу Цзин-вану Сюн Чао:

— Племянник! Ты забыл слова своего отца? Чао, хоть ты и император, но не смей подражать древним неразумным правителям времен Хань или жестокому Чжоу-вану из Шан.

Глаза Сюн Чао вспыхнули золотом, и гнев его стал еще сильнее. Его вспыльчивый нрав снова дал о себе знать. Он заорал:

— Сюн Цзу! Я ради отца давно тебя терплю! Убирайся! Стража, вышвырните этого мерзавца, а Сян Чао бросить в темницу!

Тем временем в столице Шу, Чэнду, уже узнали о том, что Сян Чао отвел войска, и начали набирать рекрутов и запастись провиантом. На вчерашнем утреннем совете уже было решено: сначала напасть на царство Цзяо. Чу никак не сможет прийти на помощь, Западное Лян и подавно не представляет угрозы, остальные четыре царства воюют между собой. Так что нападение на Цзяо — дело решенное.

Великий генерал Мэн Луань смотрел на стоящие перед ним шестьдесят тысяч войск Серебряных Крыльев. В их волосы были воткнуты перья красного, желтого, зеленого, синего и фиолетового цветов, что символизировало их положение в армии Серебряных Крыльев. Красное перо — верховный главнокомандующий, желтое — штабной советник, зеленое — командир большого отряда, синее — командир среднего отряда, фиолетовое — командир малого отряда, у обычных солдат перья были белые.

— Выступаем! — скомандовал генерал Мэн Луань, и сухопутные и речные войска тотчас пришли в движение, огромной лавиной направляясь к границе Шу и Цзяо.

Через три дня. Лагерь армии Лу Юя.

Лу Юй уже давно оправился. За исключением битвы с тем солдатом с кровавыми секирами несколькими днями ранее, он во всем одерживал верх, включая и двух старейшин.

В главном шатре Лу Юй восседал на главном месте, справа и слева от него стояли Гунсунь Цэ и Ма Сян, ниже по порядку — Чжэн Ичунь, Сюй Юань и Ли Жун. В шатре был еще один человек — чернолицый, с кровавыми секирами, в красных доспехах, с внушительным видом верховного генерала. Это и был тот самый солдат с кровавыми секирами.

— Меня зовут Вэй Яотин, фамилия Вэй, имя Яотин, — просто и прямо представился солдат.

Лу Юй слегка кивнул. Лицо его было прекрасно, как нефрит, взгляд — как у бессмертного с картины, серебряный шлем и серебряные доспехи, величественная осанка. Он медленно,

разделяя каждое слово, произнес, обращаясь к Вэй Яотину:

— Вчера мы с тобой сошлись вничью. Ты не можешь быть главным генералом, но я назначаю тебя великим генералом с правом участия в военных советах и правом вето на важные решения.

При этих словах все пятеро в шатре были потрясены — это было то же положение, что и у них.

— Я не понимаю, что такое политика, — лицо Вэй Яотина оставалось бесстрастным. — Я умею только драться не на жизнь, а на смерть!

Лу Юй не ответил, лишь улыбнулся и отдал всем приказ:

— Выступаем в Цзянчжоу!

В городе Цзянчжоу и его окрестностях теперь царила мертвая тишина. Все дома были заперты, окна закрыты, лишь несколько бездомных собак выли. Городские ворота были наглухо закрыты, солдаты несли строгую охрану, но их форма была не зеленой, как у государства Шу, а черной — черной, лишенной всяких эмоций.

В усадьбе правителя Цзянчжоу — будь то приближенные, служанки или стража — повсюду лежали мертвые тела, и они быстро разлагались.

А в рабочем кабинете правителя Цзянчжоу, то есть в княжеской резиденции, стояли пять человек в черном, у каждого на голове была широкополая шляпа. Главарь, ростом восемь чи пять цуней, имел лисьи глаза, остальное было не разглядеть. Он лениво произнес голосом, в котором нельзя было различить пола и не было ни капли чувств:

— Где кролик?

Человек, стоявший последним, поднялся, приложил левую руку к правой стороне груди и, согнувшись в поклоне, сказал:

— Докладываю господину Е Тяню, сейчас привяжем его к деревянному столбу!

Этот простой разговор был понятен только им пятерым. Жизнь Лу Юя висела на волоске.

В одном отдаленном уголке Цзянчжоу.

В таверне два элегантных молодых человека пили вино и закусывали мясом. Они были на два-три года старше Лу Юя. Тот, что сидел слева, с лицом темно-красным, как финик, с длинными глазами и изогнутыми бровями, рядом с его столом стоял клинок в форме зеленого дракона — вылитый великий генерал Шу Гуань Юньчан. Тот, что сидел справа, сразу видно, был штатским — на редкость красивый, с двумя ямочками на щеках, в одеянии, расшитом журавлями.

— Цзычан, в Цзянчжоу в последнее время неспокойно. Защитники города из Шу один за другим гибнут. А эти черные одежды и черные плащи вызывают отвращение с первого взгляда, — говорил воин, попивая вино, обращаясь к ученому.

— По мне, так эти черные люди, что жгут, убивают и грабят, кончат жизнь не своей смертью! — лицо ученого оставалось спокойным.

Внезапно они почувствовали, будто земля задрожала: топот копыт приближался издалека. Такой грохот — даже для всего государства Западная Шу, где по узким ущельям и пехоте-то идти трудно, был редкостью, и все же он раздавался здесь, в Цзянчжоу.

Оба почти одновременно вскочили и выглянули в окно. Мимо пронеслось несколько сотен всадников с крыльями на головах. Впереди скакал человек с парой алых крыльев на голове — это был столичный градоначальник Мэн Янь. Если вы думаете, что должность градоначальника — это штатская должность, то ошибаетесь. Мэн Янь был тигром среди генералов Шу. Некоторые сравнивали его с Чжао Цзылуном из Чаншаня.

Триста отборных всадников, прослышав о смуте в Цзянчжоу, не жалея сил, мчались вперед, покрыв триста ли словно один шаг. Они ворвались с западных ворот, черные солдаты были почти все перебиты, а отборные всадники не потеряли ни одного человека, и направились напрямик к усадьбе правителя Цзянчжоу.

Двое переглянулись, прочитав в глазах друг друга изумление.

В столице Чу, городе Сянъян, в императорском дворце.

— Князь Цзин-ван Чу Сюн Чао с гражданскими и военными сановниками и всеми принцами провожает канцлера! — все сановники, облаченные в белую траурную одежду, стояли на коленях во дворце. На главном месте, то есть на троне, сидел не Сюн Чао, а покойный канцлер Сюн Цзу.

Сюн Цзу умер вчера. Он умер из-за заключения Сян Чао под стражу.

— Отец, слишком сильно горевать тоже не стоит. Этот канцлер, должно быть, умер от тревоги за страну. Отец, если ты продолжишь неуклонно править, то непременно успокоишь душу канцлера на небесах! — заговорил старший сын Сюн Чао, Сюн Тяндай. Если не считать Сюн Чао глупым, то все шестеро его сыновей носили прозвище Шесть Талантов.

Следом за этим вбежал встревоженный евнух, встал на колени перед императором и протянул обеими руками донесение:

— Докладываю Вашему Величеству: начальник тюрьмы Лун Вэй найден мертвым, обезглавленным. Великий полководец, господин Сян, в груди три колотые раны от копья, скончался в темнице!

Руки Сюн Чао слегка дрожали, лицо было серым, как земля. Долгое время он не мог произнести ни слова, наконец вымолвил:

— Передай мой указ: похоронить с почестями... нет! Сначала найдите убийцу! Палата судебных дел, немедленно расследовать!

Род Сыма

Город Шанъюн был пятым по величине среди шести великих городов Династии Западная Шу. Он располагался на северо-западе Западной Шу. Город был чрезвычайно процветающим и считался благодатным местом. В городе было три великих клана: род Вэй, род Шэнь и род Сыма. Дом Вэй находился в самом центре Шанъюна, на самом высоком месте, откуда можно было обозревать весь город. Глава дома Вэй был правителем Шанъюна и держал в руках военную мощь всего города, поэтому и занимал первое место среди трех кланов. Дом Шэнь располагался на юго-западе Шанъюна. Во всей семье не было ни одного гражданского чиновника, все были военными. Глава дома был даже фубо-генералом четвертого ранга, и только печатей у него было три. А дом Сыма располагался на севере Шанъюна. Главой дома был гражданский чиновник по имени Сыма Дэ, который в одной из операций неожиданно добился огромных заслуг.

Не будем говорить о домах Шэнь и Вэй, а расскажем только об усадьбе Сыма.

Это было просторное место, разделенное на пять частей: зал для гостей, кабинет, тренировочная площадка, жилая зона и хранилище боевых искусств и секретных книг. Поэтому два других клана относились к Сыма Дэ с большим почтением.

На тренировочной площадке в это время находился юноша с изумрудными глазами и фиолетовыми зрачками, при нем были лук и стрелы, в руках — копье с квадратным наконечником, под ним — конь по кличке Ди Лу. Он дернул поводья, и белый конь стремглав понесся вперед. Юноша снял с плеча лук, наложил стрелу с орлиным пером, и со свистом стрела полетела, попав точно в центр мишени.

Рядом с ним стояла девушка, нежная, как вода. Наклонившись к его уху, она тихо промолвила:

— Братец Ши, уже наступил полдень, пора обедать!

Этот человек и был сыном заместителя главы клана, Сыма Ши.

Сыма Ши мягко улыбнулся, погладил девушку по волосам, ничего не сказав, и направился к столовой, на ходу взяв коня под уздцы и отведя его в сторону, медленно шагая.

На столе были курица, говядина, утка, баранина — все было. Овощей и фруктов было бесчисленное множество. За столом сидело шесть человек. На главном месте восседал сам глава клана Сыма Дэ, за ним по порядку — заместитель главы Сыма Юйлянь, сын Сыма Дэ Сыма Бо, сын Сыма Юйляня Сыма Ши, друг Сыма Бо Гуань Цзе. Эти Сыма Бо и Гуань Цзе и

были теми самыми штатским и военным, что пили вино и ели мясо в городе Цзянчжоу. А за ними — та самая девушка Бин Лин.

— Ну-ка, ну-ка, не стесняйтесь! Ешьте сколько влезет, — Сыма Дэ поднял чарку. Эти слова явно были обращены к Гуань Цзе, потому что Бин Лин была дочерью Сыма Юйляня и носила фамилию матери.

— Отец, это тот друг, о котором я вам говорил. Вы только взгляните — ну вылитый генерал Гуань Юньчан! Его фамилия Гуань, имя Цзе, второе имя Цзыянь, родом из Цзянчжоу, провинция Ичжоу, — Сыма Бо встал, поклонился Сыма Дэ и указал на Гуань Цзе, одновременно взглядом давая тому знак подняться.

Гуань Цзе, хоть и был неразговорчив, но понятливости ему было не занимать. Он сразу все понял и встал.

Сыма Дэ мягко улыбнулся, махнул рукой, приказывая обоим сесть, и снова посмотрел на Сыма Ши, спрашивая:

— Ши, ты тоже человек, сведущий и в военном деле, и в гражданском, ничем не хуже Бо. Какие у тебя планы на будущее? Вернешься в Цзяндун служить, или займешься чем-то другим?

Сыма Ши поспешно встал. Быть названным вслух — ощущение малоприятное. Улыбаясь, он ответил Сыма Дэ:

— Ха-ха, дядюшка, я конный лучник. Цзяндун находится к югу от реки Янцзы, и если я туда поеду, то стану почти как Цао Цао. — Внезапно он, словно что-то вспомнив, продолжил: — Я слышал, что у Императорского наставника в столице Шу Чэнду есть сын по имени Лу Юй. Я хотел бы поехать и посмотреть, на что способен сын этого Императорского наставника.

Сыма Дэ еще не успел ничего сказать, как старший брат Сыма Ши, Сыма Бо, заговорил:

— Брат говорит правду. Мы с господином Цзыянем слышали в Цзянчжоу, что этот человек по фамилии Лу, имя Юй, второе имя Цзылян. Он путешествует под видом странника, но в сердце таит великие устремления. Он на три года младше меня.

Гуань Цзе, услышав имя Лу Юй, приободрился и, позабыв о своей неразговорчивости и замкнутости, воскликнул:

— Лу Юй много говорит, но его таланты и ученость еще больше! Этот человек изначально носил имя Лу Ян. С детства он обучался военному делу у своего отца Лу Мэна, затем стал учеником первого ученого государства Шу, Сыма Синя. Он начитан в истории, в шесть лет начал постигать военное искусство, в девять — гражданские науки. Позже он решил, что в имени Ян нет честолюбия, и сменил его на Юй, что означает быть как Чжоу Юй из нынешних времен. А имя Цзылян ему дал не господин Сыма, это Лу Юй сам взял его, означая военную мудрость Чжан Ляна, Чжан Цыфана.

<http://bllate.org/book/19220/1886698>